

В.В. Печенкин, И.С. Халдеев

**«ВИНА ПОТЕРПЕВШЕГО?» ДИЛЕММЫ ПРАВОВОЙ
ТРАКТОВКИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В СЕМЬЕ**

**Колпакова Л.А. Насилие в семье (виктимологический
аспект, вопросы дифференциации ответственности
и законодательной техники).**

М.: Юрлитинформ, 2009. 196 с.

ISBN 978-5-93295-463-8.

Исследование и публичное обсуждение феномена семейного насилия в России началось относительно недавно по мере становления и развития системы социальной защиты, которая появилась лишь на постсоветском этапе российской истории. Аналитические и статистические данные по фактам домашнего насилия появляются эпизодически в исследовательских публикациях. В системе же государственной статистики, как и в статистике МВД, не существует специальных индикаторов, которые указывали бы на совершение правонарушений внутри семьи. Не сформированы пока и устойчивые группы, которые конструируют эту проблематику в общественном дискурсе.

Рецензируемая монография посвящена юридическому анализу применения закона в области насилия в семье в России. Такая постановка вопроса, безусловно, необходима для исследования того правового поля, в котором находятся акторы семейных отношений, системы правосудия, защиты общественного порядка, социальной защиты.

Этот подход к проблеме интересен еще и потому, что существующая правовая база, практики судебного производства, защиты безопасности граждан нуждаются в адаптации к новым социальным и экономическим

условиям в современной России. Существующее законодательство практически не предусматривает эффективных инструментов предотвращения насилия, реабилитации пострадавших, работы с обидчиками. Ситуация осложняется и тем, что сами россияне терпимо относятся к практикам физических наказаний в семье, которые квалифицируются правом всех западных стран как преступления. В особенности это касается телесных наказаний, физического насилия, насилия над детьми, подростками [Ярская-Смирнова, Романов, Антонова, 2008].

Еще одним аргументом является опубликованный в 2010 году доклад Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в котором Россия занимает первое место в мире по количеству убийств в возрастной группе от 10 до 29 лет (15,85 случаев на 100 тысяч населения). На втором месте с серьезным отрывом (11,20) стоит Албания [Отчет Всемирной организации здравоохранения, 2010. С. 13].

Рецензируемая монография вводит читателя в курс обсуждаемой темы, открывая историческую ретроспективу возникновения самой проблемы насилия в семье. Основное внимание уделяется раскрытию содержания понятий виктимность, жертва, потерпевший от насилия в семье. Автор разграничивает понятия жертва и потерпевший, проводя сравнение отечественного и американского законодательства.

Введенные теоретические конструкции сопоставляются с данными официальной статистики по насилию в семье, где представлены виктимологические характеристики, присущие людям только с точки зрения криминологических и уголовно-правовых аспектов. Определенная слабость в этой позиции состоит в том, что при этом во внимание не принимаются социальные характеристики ситуации насилия. Насилие рассматривается только с точки зрения правовых конструкций. Если учесть несоответствие современного российского законодательства в области семейного насилия современным представлениям о проблеме, то это обстоятельство не позволяет надеяться на эффективное разрешение тех ситуаций, когда отсутствует заявление потерпевшего или если насилие не является физическим.

В Нидерландах и ряде других зарубежных стран, например, уголовное дело может быть заведено и без письменного заявления, существуют специальные формы работы с семьей, в том числе, охранные ордера, которые не позволяют обидчику приближаться к потерпевшим в течение определенного времени. В западных странах учитывают и такие формы жесткого обращения, как преследование, насилие, совершенное в рамках религиозных обрядов, принуждения к браку, экономическое насилие (запреты учиться и делать карьеру, угрозы оставить без средств к существованию), которые четко квалифицируются законом как правонарушения.

Сам подход, применяемый автором книги, обуславливает рассмотренные взаимосвязи между преступником и потерпевшим. Предлагается боль-

шое число примеров исследования такой взаимосвязи, которые сопровождаются понятиями виктимологическая вина, синдром избитого человека, вина потерпевшего, которые подробно анализируются с точки зрения их различий и противоречий в формулировках.

Эта терминология проецируется на проблематику насилия в семье, причем изучение взаимосвязи «преступник – жертва», по мнению автора, особенно полезно при рассмотрении преступлений в семейной сфере, так как отношения между участниками конфликта носят долгосрочный характер, и обе стороны хорошо знают друг друга.

Логичным завершением этой части монографии является анализ влияния конкретной ситуации насилия на оценку характера преступления. Определение криминогенной ситуации, по мнению Л.А. Колпаковой, зависит от учета факторов, предшествующих преступлению. Автор предлагает общую классификацию ситуаций насилия, которые делятся на два класса: «обуславливающие поведение жертвы» и «обусловленные поведением жертвы». Изучение насилия в контексте ситуационных факторов приводит к выводу о том, что эскалации насилия способствует виктимное поведение потерпевшего.

Отметим, что подобный подход фактически служит оправданием обидчика, перенося часть вины на жертву или на обстоятельства, которые к насилию привели. Подобная точка зрения подвергается справедливой критике [Пискалова, 2004. С. 88], в самом деле, виктимологический подход фактически уравнивает вину обидчика и потерпевшего, который-де «провоцирует» насилие своим поведением.

Глава «Уголовно-правовая характеристика насилия в семье» посвящена дальнейшему определению, используемого в монографии понятийного аппарата.

Термин «насилие» рассматривается в русле различных подходов: традиционного психоанализа, бихевиористского, дается его философская интерпретация и, разумеется, криминологическая. В книге говорится об отсутствии в отечественной юридической теории единого определения этого термина, затем выделяются индикаторы, которые свидетельствуют о факте насилия.

В качестве обобщения рассмотренных понятий дается целый ряд определений, которые характеризуют различные формы насилия в следующей классификации: криминальное, физическое, психическое, домашнее, насилие в семье и, наконец, бытовое. Последние три типа раскрываются более подробно, так как именно они, по мнению автора, важны не только с точки зрения судебных практик, но имеют значение и для выяснения социальных характеристик ситуации в семье.

Как представляется, иерархия видов насилия и критерии его классификации выстраиваются весьма произвольно. Почему выбран только физический и психологический типы насилия, но игнорируется финансовый

тип, который упоминается в рецензируемой книге и в работах других авторов? каковы негативные последствия насилия, помимо указанных автором физического и морального урона? Конечно, сложно предложить определение семейного насилия, которое будет устраивать всех, но в данном случае оставлено широкое поле для критики дефиниции основного объекта исследования.

Еще одна логическая ловушка принятого автором определения заключается в жесткой привязке идентификации насилия к действующему законодательству (противоправное воздействие), но ведь многие виды насилия не квалифицируются законодательством как таковые.

Достаточно большая часть монографии посвящена анализу юридических аспектов насилия в семье в мировой практике с точки зрения истории их формирования. Внимание акцентируется на нескольких тенденциях в законодательствах различных стран. Раскрывая каждую из них, автор дает обширный список примеров из уголовных кодексов зарубежных стран, таких как Дания, Япония, Англия, США, останавливаясь подробно на сложившихся в Европе практиках работы с обидчиками альтернативных уголовному преследованию. В этом разделе подчеркивается необходимость комплексных мер при подходе к решению проблем насилия в семье, но, отмечается, что самым важным является совершенствование именно правовой базы.

Ни для кого не секрет, что принятие законов в российском обществе вовсе не означает автоматического изменений правоприменительных практик и поведения тех людей, на которых этот закон направлен. Очевидно, что изменение законодательства должно быть подкреплено изменениями в общественном сознании, формированием социальных институтов, которые заинтересованы в поддержании высоких стандартов общественной безопасности, активизацией гражданского общества, которое могло бы брать на себя часть забот по предотвращению насилия, в том числе и домашнего.

Недостатки отечественного российского законодательства в сфере семейных отношений становятся понятны при анализе развития и современного состояния уголовно-правовых норм в России. Термин «насилие в семье» отсутствует в тексте Уголовного кодекса, не выделены и ситуации, когда преступление совершено членами семьи против других членов семьи (за исключением норм гл. 20 УК), хотя и имеют определенную специфику. По этой причине большинство уголовных преступлений, совершенных в семье, «тонут» в криминальной статистике, что принципиально не позволяет анализировать именно этот вид правонарушений. Органы внутренних дел и суды рассматривают такие факты не как уголовные преступления, а как частный конфликт между членами семьи, который внутри нее и должен быть разрешен. Описывая разнообразные типы преступлений, которые совершаются именно в семье, автор делает

вполне закономерный вывод о необходимости разработки специальных программ по противодействию насилию в семье, но, в первую очередь – изменения действующего законодательства. В России только приступили к обсуждению таких изменений, а в ближайшем нашем постсоветском окружении, в частности, в Узбекистане, Киргизии, Азербайджане, Молдавии и на Украине уже приняты специальные законы о семейном насилии, что привело к положительным изменениям, улучшению качества помощи пострадавшим [Трухина, 2009]. Здесь еще раз уместно напомнить об отсутствии механизмов гражданского общества, действующих в поле семейного насилия, без формирования которых сложно надеяться на решение проблемы.

Реальные практики применения законодательства анализируются в монографии с помощью специально введенной терминологии. Используются два важных понятия: законодательные и юридические техники, и дифференциация ответственности за уголовное насильственное преступление, совершенное в семье. Под техниками понимаются средства, правила и приемы исполнения законодательства, они, субъективно воспринимаясь в общественном сознании, рожают два связанных друг с другом явления – унифицированное установление правил и в то же самое время отступление от них. Законодательные техники связаны с формальными правилами и приемами построения закона, юридические же – с их толкованием и применением. Многочисленные примеры различного толкования законов подчеркивают проблемные аспекты их применения в особенности в такой деликатной сфере, как домашнее насилие, что подчеркивает необходимость анализа соотношения закона и практик его применения.

Центральное место в книге, безусловно, занимает анализ дифференциации ответственности, которая, по мнению автора, в современном отечественном законодательстве разработана недостаточно. Сам термин требует введения сопутствующего набора определений, дополняющих используемый тезаурус и составляющих внушительный список. Здесь и дифференциация наказания, и средства дифференциации, и ее обстоятельства... По мнению автора, реализация предложенных правовых конструкций при анализе преступлений, связанных с насилием, является одним из важных проявлений государственной политики в области уголовного законодательства.

Представленная монография, безусловно, полезна с точки зрения развития правового поля, регулирующего ситуацию с семейным насилием. Эта проблема актуальна и требует срочного вмешательства законодателей, правоохранительных органов, практиков, работающих в системе социальной защиты.

Рецензируемая работа предлагает широкий спектр терминов и определений, которые в современном законодательстве отсутствуют, но без которых решение проблемы насилия в семье выглядит проблематичным.

Нельзя не отметить некоторые соображения, которые расширяют границы обсуждения выбранной автором тематики. Выше мы уже указывали на ограничения используемой в монографии виктимологической объяснительной модели насилия в семье. Другим важным моментом является отсутствие учета тех социальных изменений, которые происходят в современном российском государстве. Иллюстрацией этого является использование в едином массиве статистических данных показателей, временной диапазон которых простирается с начала 1970-х годов по настоящее время. Это выглядит неоправданным упрощением ситуации. Ведь за последние 20 лет произошли коренные изменения в социальном, экономическом и политическом устройстве страны, она, по сути, стала совершенно другой. Обращение к статистике сорокалетней давности, которая формировалась в иных условиях, в другом государстве, выглядит не вполне логично.

Мы уже говорили выше, что законодательства многих стран уже содержат специальные разделы, которые касаются именно семейного насилия. Практически все страны бывшего СССР приняли либо такие законы, либо концепции развития своего законодательства в этом направлении. В России же только начинается обсуждение направлений изменения законодательства в тот момент, когда десятками тысяч гибнут граждане нашей страны.

В области семейного насилия над детьми ситуация более благополучна с точки зрения правового обеспечения и механизмов предотвращения. Этой проблемой занимаются комиссии по делам несовершеннолетних, существуют уже налаженные связи между ведомствами по работе с детьми, но этого явно недостаточно. В такой ситуации нужны срочные шаги по изменению законодательства, практик применения права, изменения в самой системе социальной защиты.

К недостаткам можно отнести и ошибки в оформлении ссылочного аппарата, и частое использование цифровых описаний статистических данных, монотонное перечисление в тексте процентных долей. Для такого типа данных существуют наглядные и понятные большинству читателей диаграммы и таблицы, которые проще воспринимаются, позволяют сразу увидеть особенности той или иной ситуации. В тексте эти графические представления практически не используются, что затрудняет восприятие представленного материала.

Список литературы

Отчет Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по предотвращению насилия среди молодых людей, 2010 // http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0012/121314/E94277.pdf.

Писклакова М., Синельникова А. Между молчанием и криком. История, культура, политика и домашнее насилие. М.: Эслан, 2004.

Трухина Т. Проблема домашнего насилия в России // Агентство социальной информации. Информационный портал поддержки гражданских инициатив. 30.10.2009 // <http://www.asi.org.ru/ASI3>.

Ярская-Смирнова Е., Романов П., Антонова Е. Домашнее насилие над детьми: стратегии объяснения и противодействия // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 57–64.

Виталий Владимирович Печенкин

д-р социол. наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета (СГТУ)

электронный адрес: ptchv@mail.ru

Иван Сергеевич Халдеев

аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы СГТУ

электронный адрес: ikhaldeev@yandex.ru
